

рянами в жилище цараторийского епископа и путем насилия увел оттуда какого-то человека.

Впрочем, недостаточность исторических документов делает для нас невозможным ближайшее ознакомление с политическим устройством и управлением афинского феодального государства. Мы ничего не ведаем о тамошней финансовой и податной системе, о казначейской части, о государственной канцелярии и о придворных должностях.

В правление де ла Роша ни разу не упоминается о высших государственных сановниках вроде маршала, сенешаля, коннетабля или камерария. Эти должности заведены были в иерусалимском королевстве, в Константинопольской империи, на о. Кипре и в княжестве Ахайском; отсюда можно предположить, что в названных государствах заведен был более пышный придворный строй, чем представительство, каким себя окружал мегаскир в Афинах. Вообще же как Англия и Сицилия или как франкская Сирия и Кипр, точно так же Афины свидетельствуют о том, что феодализм был достаточно могуч и мог создать государство живучее и сравнительно нескоропреходящее.

Бургундский строй в Афинах продержался значительно дольше, чем продержались там демократические законодательства древних государственных людей; к тому же феодальный этот строй не обновлялся вовсе реформами, как это имело место в древности. Сам же факт, что аристократическое феодальное государство де ла Рошей в течение ста лет существования ни разу не пережило ни одного из внутренних переворотов, которые неоднократно потрясали демократию древних Афин, конечно, не может служить доказательством ни политического его значения, ни мудрости варварских его основателей. Неприкосновенность была обеспечена государству продолжением рода де ла Рошей, из которого выходили все даровитые государи, а равно довольством и общей выгодой привилегированной касты рыцарей и баронов, а наконец — и это более всего прочего — бессилием поработанных эллинов; простиралось же поработение это столь глубоко, что